

Памяти Жозефины Борисовны Рыбаковой (18 января 1941 – 21 января 2022)

Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать, –

писала Ахматова в поздние годы. Такое впечатление, что она сейчас забирает своих: 13 января умерла Анна Генриховна Каминская, а 21 января – Анатолий Генрихович Найман и Жозефина Борисовна Рыбакова, оба от инсульта.

Жозефина Борисовна не была так близка с Ахматовой, как А. Г. Каминская и А. Г. Найман, но она была членом семьи Рыбаковых, с которой Ахматова дружила с 1924 г. и до конца своей жизни.

Об этой дружбе, о семье коллекционера, юриста, экономиста Иосифа Израилевича Рыбакова и о нем самом, в 1938 г. героически (без преувеличения) погибшем в застенках НКВД, будет большой блок материалов в сборнике, подготовленном в Пушкинском Доме: «Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова».

В доме Рыбаковых среди прочих драгоценных памятников культуры все годы благоговейно сохранялись ахматовские автографы, фотографии, графические и скульптурные портреты. После гибели Иосифа Израилевича их хранила его жена, филолог Лидия Яковлевна Рыбакова. По словам А. Г. Каминской, Лидия Яковлевна была единомышленником Ахматовой, «они понимали друг друга с полуслова, у них было общее прошлое». После смерти Лидии Яковлевны хранителем стала дочь Рыбаковых – семейный летописец Ольга Иосифовна Рыбакова, по профессии – инженер и технический переводчик. Она оставила воспоминания об Ахматовой и подготовила скрупулезную опись книг и рукописей с ахматовскими автографами. Некоторые ахматовские материалы Ольга Иосифовна подарила ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ) и открывшемуся в 1989 г. Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Следующим хранителем семейной коллекции, в том числе и ахматовской ее части, была Жозефина Борисовна, искусствовед, наследница семейной любви к Ахматовой. В 1961 г. Ольга Иосифовна писала Анне Андреевне:

«...Крепко вас целую.

Ина почтительно присоединяется.

P.S. В ее комнате (прежней комнате Лид<ии> Як<овлевны>) в шкафу устроена настоящая Ахматовская выставка. Бюст, портреты, фотографии и последнее издание Ваших стихов, надписанное нам обеим».

Теперь эстафета переходит к дочери Жозефины Борисовны, искусствоведу Екатерине Владимировне Евсеевой. О ней, грудной, Жозефина Борисовна упоминала, рассказывая о дне похорон Ахматовой: «Даже я была на отпевании: няня меня отпустила. А потом я стояла возле

Дома писателей на Шпалерной (тогда Воинова) с коляской – с Катей. Внутрь не заходила».

О Жозефине Борисовне. Ей было полгода, когда началась война. Ей выпало на долю стать блокадным ребенком. Ольга Иосифовна писала об этом времени: «Мы сильно недоедали, попросту голодали. У девочки, конечно, был рахит. <...> Мы варили кашу девочке из белого печенья “Мария”, что давали на детские карточки <...> печенье детям отоваривали вместо хлеба (белого), которого моя семимесячная еще есть не могла; так и к грудному молоку мы добавляли эту кашу (прикорм) <...> Моя дочка Жозефина, названная в честь дедушки [Жозеф – французская версия имени Иосиф. – О. Р.], но которую мы все звали Пуся или Ина <...> все сидела в кроватке и сосала палец. Пошла она только в два года без малого перед самым снятием блокады. Нам привез кускового сахара приятель моего покойного отца, журналист, литературовед и искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн <...>. Дочку мы с мамой и молодой дворничихой <...>, жившей с нами в дворницкой во вторую блокадную зиму, манили куском сахара, как собачонку, и, наконец, она сделала первый шаг: протянула ручки к сахару, оторвалась от опоры (стула) и пошла...». Жозефина Борисовна вспоминала, что выжить ей помогал весь их дом: сплотившихся во время блокады жильцов трогало, что в доме маленький ребенок, все с ней возились. На детской фотографии – Ина в 1945 г., когда ее уже немножко откормили, но прелестное личико напряженно серьезно.

Эвакуированная в Ташкент Ахматова писала в Ленинград Лидии Яковлевне: «...как ведет себя внучка?»; «Крепко целую Вас, Олю, Жозефину». Вернувшись в Ленинград, оказавшаяся бездомной Анна Андреевна с июня по август 1944 г. жила у Рыбаковых. В сентябре она вновь обрела жилье в Фонтанном Доме.

Рыбаковы продолжали встречаться с Ахматовой и после ждановского постановления, когда круг ее общения резко сузился. Ж. Б. Рыбакова: «Помню, как бабушка, держа меня за руку, ходила к Анне Андреевне в 1948 – 1949 годах. Шли через проходную Арктического института. Я играла с Аней, пока дамы разговаривали». С тех пор и началась длившаяся всю жизнь дружба Жозефины Борисовны с Анной Генриховной.

Когда Ольга Иосифовна не могла выполнить какое-то ахматовское поручение, Ина с удовольствием делала это вместо нее.

Жозефина Борисовна: «После того, как бабушка заболела, а потом умерла, я с Анной Андреевной почти перестала видаться. Когда мы с Аней поступали в Академию художеств, то готовились вместе на даче в Комарове, но с Анной Андреевной я мало пересекалась: у нее была своя жизнь, у нас своя. Мы же тогда были молодые, глупые.

В Академии художеств мы учились все на искусствоведческом факультете, на одном курсе: Аня, мой будущий муж Володя и я. Общались между собой. С Анной Андреевной почти никакого общения в это время у меня не было. Когда я вышла замуж, Володя был ей представлен, но не более того. Году в 1963-м – 1964-м Анна Андреевна захотела на меня посмотреть.

Мы с мужем приехали на улицу Ленина и сидели с Аней на кухне. Пришла Анна Андреевна, побывала с нами недолго, задала какие-то вопросы, какие – я уже не помню, и ушла к себе»; «У нас с Володей благоговение по отношению к ней было».

С 1958 г., закончив школу, Жозефина Борисовна поступила на службу в Русский музей, поначалу была уборщицей в прикладном отделе, а после окончания вуза стала научным сотрудником в отделе учета. Работала там по 1967 г. В том же году перешла в Музей Академии художеств, с 1978 года стала главным его хранителем. В 2004 г. вышла на пенсию. Ж. Б. Рыбакова – заслуженный работник культуры.

При этом скромность ее была удивительной. В ней не было ни капли фанаберии, она говорила о себе очень взвешенно, без тени хвастовства. Часто бывала в Музее Ахматовой, но отказывалась выступать.

Она была подлинным хранителем. Досконально знала и блюла наследственную коллекцию. Не пускала в дом незнакомцев и тех, кому имела основания не доверять. Но была открыта для тех, кому могла довериться. У нее был очень взвешенный и доброжелательный взгляд на жизнь и людей. Благодаря открытости Жозефины Борисовны работы из семейного собрания участвовали во множестве выставок, а семейная память стала частью общей памяти культуры.

Мы с Жозефиной Борисовной были знакомы еще с 1990-х гг., со времени, когда я работала в Фонтанном Доме. В 2018 – 2020 гг., готовя публикации о ее семье и Ахматовой, я иногда проводила у нее чуть ли не целые дни. Меня трогало ее спокойное гостеприимство: к каждому моему приходу из закромов доставались новые и новые материалы, Жозефина Борисовна все разрешала переснимать и терпеливо отвечала на все вопросы. Было несколько случаев, когда я волновалась, как я спрошу ее об этом или расскажу о том. Видя мое волнение, она меня успокаивала: ничего особенного, роман между ее дедом и Ахматовой мог быть, Иосиф Израилевич был любвеобилен и «женщины млели перед ним», при этом «для него жена была – святое».

Жозефина Борисовна, да и никто в семье, не видел «дела» И. И. Рыбакова. Она не хотела его видеть: «Не хочу знать имена доносчиков». Но я попросила у нее разрешение посмотреть «дело» – и она это разрешение дала. Благодаря создателю «Ленинградского мартиролога» А. Я. Разумову, приславшему мне все материалы «дела» в электронном виде, я смогла узнать и написать про то, о чем семья до сих пор не знала, и с облегчением сказать Жозефине Борисовне, что на И. И. Рыбакова никто не доносил, он был взят в соответствии с «планом», с «разрядкой».

И еще о гостеприимстве: Жозефина Борисовна непременно меня кормила, что происходило в кухне-столовой, полной красивой посуды с синими узорами, старинной и современной. Это было пространство бывшей детской, где в 1944 г. жила Ахматова. Мы говорили о книгах и выставках. Жозефина Борисовна в свои восемьдесят была абсолютно живым человеком,

книгоцеем, знатоком книжных новинок, всюду ходила, причем по-девичьи легко.

Она не считала себя особенно уравновешенной и очень уж доброй, уверяла, что может кого-то и «отбрить». Но я знала, что она с удивительной верностью поддерживает старые дружбы, даже детские и юношеские, и каждый день выходит во двор, чтобы покормить кошек, для чего спускается и поднимается по очень трудной лестнице. Я видела перед собой милое, доброе лицо, похожее на то, что смотрело с детских ее карточек.

О. Рубинчик